

Кэролин Харт: «Синестезия является прекрасной возможностью инициировать диалог о нейроразнообразии»

Кэролин Си-Си Харт (Carolyn C. Hart) – автор, художник, мануальный терапевт и полисинестет. Магистр изобразительного искусства по литературному творчеству, публикующийся поэт и эссеист. Творческие работы Кэролин Харт выставлялись в галереях США и Испании, а разработанные ею театральные костюмы были использованы в более чем 50 постановках. Кэролин Харт входит в состав дирекции Международной ассоциации синестетов, деятелей искусства и науки (секретарь Ассоциации) и является активным сторонником идеи нейрологического разнообразия. К.Харт живет в Сан-Франциско, Калифорния, где открыла клинику мануальной терапии. Ее статья «Зеркальная синестезия и практика мануальной терапии» (Mirror Sensory Synesthesia and the Practice of Manual Therapy) опубликована в специальном выпуске журнала Multisensory Research (издательство Brill) в 2017 году.

Расскажите, пожалуйста, как и когда вы поняли, что у вас синестезия? Какие у вас об этом самые ранние воспоминания? Какую роль синестезия играет в вашей жизни? Делает ли она вас более творческим человеком? Есть ли ещё какие-то «необычные» мыслительные процессы или что-нибудь, что кажется вам необъяснимым в функционировании вашего сознания?

Мне было 46 лет, когда я узнала слово «синестезия», прожив, считай, уже полжизни в размышлениях о том, что могло бы объяснить постоянный разрыв между моим переживанием сенсорного мира и тем, что казалось совсем другим сенсорием, которым обладали мои друзья и родные.

Мои первые воспоминания о синестезии относятся к раннему детству. Я научилась читать, когда мне было три года, отчасти еще и потому, что моя старшая сестра тоже тогда училась читать, и я хотела быть на нее похожей, а еще и потому что мне это просто легко давалось. Я уже знала все буквы и звуки, которым они соответствовали. Различать буквы было так просто... приятный морской цвет буквы А, ярко-розовая Е, белоснежная О, кристально-прозрачная Я, серо-голубая У. Эти

гласные в сочетании с яркой палитрой согласных складывались в слова, которые я мгновенно узнавала. Кроме того, книга, которую я впервые без помощи родителей и сестренки прочитала сама, была книжкой фониксов. Думаю, что фонетически рифмованные предложения в сочетании с моей синестезией облегчили мне путь к расшифровке письменного языка. У меня перед глазами все еще стоит название этой книжки: «A Pig Can Jig» – в оттенках моей лексемно-цветовая синестезии, которые для меня никогда не менялись: аквамариновый (A), ярко-желтый (Pig), лазурный (Can), виноградно-фиолетовый (Jig).

Я также помню, как в том же возрасте испытала синестезию зеркального прикосновения. Когда мне исполнилось 4 года, родители подарили мне щенка немецкой овчарки. Всего через несколько недель после того, как собака поселилась в нашем доме, она поранилась, пытаясь перепрыгнуть через заграждение, предназначенное для того, чтобы с ней ничего не случилось, пока в доме идет уборка. На моих глазах щенок сломал лапу в нескольких местах, сильно повредив бедро. Вот тогда же я почувствовала, как удары жгучей электрической боли пронзили мои ноги и руки. К счастью, нашему ветеринару удалось вправить поврежденную лапку, наложив на нее гипс. Но каждый раз, когда я видела этот гипс, я вновь испытывала болезненные разряды в ногах. Тогда, конечно, я думала, что это ощущение было у всех. Я начала бояться находиться рядом с собакой, хотя очень ее любила. А вот мои сестры не боялись заботиться о нашей собаке и играть с ней. Это было мое первое ощущение, что со мной что-то не то.

Когда я была подростком, мама пыталась подтолкнуть меня к выбору профессии врача. Она была заместителем директора по сестринскому персоналу в окружной больнице и твердо верила, что медицинская карьера – отличный выбор для меня и моих сестер. Моя старшая сестра, будучи старшеклассницей, уже посещала начальные курсы медсестер. Мама надеялась, что я выберу медицинский колледж и освою физиотерапию; вероятно, она заметила мою зеркальную проприоцепцию и считала, что мое понимание тела других людей окажется в этой профессии преимуществом. Но каждый раз, когда мама пыталась уговорить меня зайти к ней в больницу и пообщаться с метными физиотерапевтами, я отказывалась. Я говорила, что мне это все неинтересно, или, что еще хуже, я обещала к ней заглянуть, а потом так и не приходила. Я все время пыталась понять, как сестра и мать могут проводить около людей с травмами и болями весь день? Как они могут работать в больницах? Я знала ответ: со мной что-то не так.

В колледже я выбрала сравнительную литературу, потому что было так увлекательно воспринимать все эти цвета букв и слов. Я и понятия не имела, зачем мне образование; я просто выбрала академическую

область, в которой у меня была возможность использовать свои самые сильные способности и навыки: понимание, память и знание истории. Время для меня всегда существовало как красочная трехмерная конструкция в пространстве вокруг меня, и я легко и дословно запоминала длинные отрывки из Шекспира, моего любимого писателя. Сравнительная литература казалась естественным выбором.

Во время учебы в колледже я попала в серьезную аварию. Находясь на лечении, мне пришлось пройти много физиотерапевтических процедур. Мне тогда же прописали сеансы массажа, который возвращал мне ощущение полноты жизни, давал волну обновления и заряд энергии. Когда я оправилась от несчастного случая, я пошла на курсы терапевтического массажа и научилась практиковать мануальную терапию, освоив идеальную для меня профессию. Когда я вижу, как прикасаюсь к другим людям, я чувствую, как будто это я сама получаю массаж!

Я никогда не рассказывала ни родителям, ни сестрам, что слова для меня обретают цвет, единицы времени окрашиваются в яркие тона и обретают расположение вокруг моего тела и что я переживаю ощущение боли, когда смотрю на травмы других людей. Мои немногочисленные попытки описать свой чувственный мир были неправильно поняты, и, как и многие другие синестеты, я полагала, что у каждого человека есть переживания, в точности похожие на мои собственные. Мои синестетические ощущения настолько глубоко укоренились в моем понимании мира, что казались совершенно нормальными.

В 30 лет я заподозрила, что мои сенсорные переживания отличаются от переживаний других людей. Поэтому я решила рассказать все своей знакомой, которая была исключительно опытным врачом. Когда мы гуляли по парку в нашем родном городе, я подробно описала свою странную чувствительность: “Такой я была всю жизнь”, – поведала я ей. Доктор Ноунеджад была сбита с толку. “Я не знаю, что сказать”, ответила она мне. Я оставила эту тему и смирилась с мыслью, что мой чувственный мир навсегда останется загадкой.

Момент признания для меня наступил десятилетия спустя, когда одна моя клиентка, на одном из сеансов терапевтического массажа обмолвилась, что видит цветное поле, плавающее перед ее глазами, когда кто-то прикасается к ней. – «Это такая форма синестезии», – сказала она, кратко описывая свое состояние. – «Любое из наших чувств может переплетаться с любым другим чувством. Для меня тесно связаны моя кожа и зрение». – Ее объяснение привело меня к групповой переписке синестетов по email д-ра Шона Дэя, а потом и к книге «Среда-цвета индиго» д-ра Ричарда Сайтовика и д-ра Дэвида Иглмана. Вот где был ответ на мои вопросы.

Я думаю, что синестезия делает меня более творческим человеком, и это происходило всегда. Я магистр изобразительного искусства и писа-

тель, у меня есть опубликованные стихи и эссе. Кроме того, я работала художником-резидентом в шекспировской театральной труппе и поэтому тесно связана с исполнительским искусством, побывав актрисой, режиссером, декоратором и костюмером. Я думаю, что синестезия зеркального прикосновения, зеркальная проприоцепция и синестезия боли помогают мне по-настоящему понять, каково это жить в человеческом теле. Я также работаю как художник; мое творчество исследует связь между медицинскими изображениями и моими синестетическими представлениями о теле в формате работы с рентгенографическими снимками.

У меня есть некоторые необычные мыслительные процессы, связанные с моими многочисленными разновидностями синестезии. Я человек с высокой степенью беспокойства, и, кажется, отчасти это уходит корнями в цвет и формы, которые создают в моем сознании звуки. С таким сильным влиянием от слуховых впечатлений мне иногда трудно ориентироваться в своем визуальном мире. А из-за синестезии зеркального прикосновения, зеркальной проприоцепции и болевой синестезии я не могу посещать больных друзей, особенно если они лежат в больнице. Поэтому я чувствую себя ужасным человеком. Я всегда переживаю такую беспощадную ненависть к себе, когда мои родные или друзья попадают в больницу, а мне никак не удастся их навестить. В таких ситуациях я просто не могу справиться с физической болью, как бы мое сердце не было преисполнено заботы и сострадания.

Чему синестезия может научить других людей, не обладающих этим феноменом? Другими словами, что такое особенное знает синестет о своём разуме, мире или искусстве, что неочевидно или закрыто для несинестета?

Я думаю, что синестезия может многому научить других. Прежде всего, синестезия является интереснейшим свойством, факты о котором можно использовать в обсуждении нейро-разнообразия, что может помочь людям понять, насколько уникальным может быть наш мозг, и что наши нейрокогнитивные миры могут быть совершенно различными. Например, у меня есть племянница, которая страдает аутизмом. Она часто трудно дается раного рода встречи и социальные контакты, и ей трудно облекать в слова свой опыт в этой сенсорно перенасыщенной среде. По этой причине ее избегали в некоторых социальных ситуациях, особенно когда она была подростком. И вот когда я объясняю людям, что воспринимаю звуки в виде форм в пространстве и цветовых оттенков, то это приводит моих собеседников в восторг. Вот тут-то я и использую это любопытство, которое испытывают люди в отношении моей синестезии, и превращаю его в инструмент для диалога о нейро-разнообразии, переключаясь на рассказ о племяннице с аутизмом, ко-

торая имеет в этом мире свой уникальный образ жизни. Я полагаю, что синестезия является прекрасной возможностью инициировать диалог о нейроразнообразии и что если широкая публика будет заинтересована или даже увлечена синестезией, то у нас будет путь к развитию сострадания и понимания всех форм нейроразнообразия.

Я также полагаю, что синестезия может научить человечество тому, насколько по-настоящему многомерной может быть нейрокогнитивная сфера. Я люблю встречаться с другими синестетами, потому что, несмотря на то, что явление, которым мы обладаем одинаково, у каждого из нас восприятие мира глубоко различно. Ничто так четко это не демонстрирует правоту этого аргумента, как ситуация, когда синестеты, чье восприятие отличается графемно-цветовой синестезией, берутся создавать свой алфавит в оттенках, соответствующих их восприятию. Вот где проявляется настоящее разнообразие!

Как бы вы описали идеальную синестетическую ситуацию, опыт и/или образ жизни, гармонично резонирующий с вашей синестезией? Какое произведение искусства, предмет или какую ситуацию вы считаете наиболее ярким примером вашего типа/типов синестезии? Как часто вы чувствуете, что синестезия согласуется с внешним миром и как часто – что противоречит ему?

У меня было одно переживание, идеально совпадающее с моим субъективным синестетическим миром. Случилось это на симпозиуме, проведенном Международной ассоциацией синестетов, деятелей искусства и науки, которое называлось «Синестезия: каков вкус синего цвета?». Сам симпозиум и культурные мероприятия проходили в Лос-Анджелесе, штат Калифорния, США, осенью 2017 года. Художественная выставка включала работу Энн Паттерсон, художницы из Нью-Йорка, обладающей синестезией. Ее инсталляция «Лес без следов» состояла из рядов цветных лент, равномерно подвешенных к потолку, с боковой подсветкой-проекцией, расположенной так, чтобы создавался световой узор, который просачивался сквозь сетку лент. Я очень осознательный человек, и, прогуливаясь по «Лесу без следов» и трогая ленты, я почувствовала бескрайнее спокойствие. Моя синестезия проявляется в виде цветовых оттенков, и те оттенки, которые я видела в своем воображении (у меня синестезия ассоциативной разновидности, но нередко бывают и проективные реакции), абсолютно гармонировали с цветами инсталляции. Это был момент чистой радости; мне никогда этого не забыть.

К сожалению, моя синестезия часто идет вразрез с действительностью этого мира. Я хотела бы отметить, что большинство графемных синестетов просто *ненавидят*, когда слово “синестезия” написано цветными буквами, потому что для них это всегда *неправильные* цвета. Для

примера просто откройте статью о синестезии в Википедии. Я не знаю, для кого из синестетов эти цвета верны, но уж точно не для меня, также как, вероятно, и для других миллионов людей с графемно-цветовой синестезией в этом мире. Хуже того, некоторые иллюстраторы не утруждают себя пониманием того, что если для вас как для синестета с графемно-цветовой синестезией буква С окрашена в кораллово-розовый цвет, то она везде и всюду непреложно будет кораллово-розовой, а не то голубой, то синей, а иногда фиолетовой.

Вы помните, как впервые встретились с другим синестетом? Понимаете ли вы другие разновидности синестезии, которых у вас нет? Какой из типов синестезии вы хотели бы испытать (и почему)? Какой тип синестезии вы бы создали, если бы могли? Как вы думаете, что делает синестезию компонентом искусства (если вы с этим согласны)?

Другим синестетом, с которым я в первый раз встретилась лично, была Марьян Вейган (Marjan Vaughan). Я тогда просто заплакала. К тому моменту я уже принимала участие в некоторых академических проектах, связанных с синестезией зеркального прикосновения, мое имя также появлялось в научно-популярных статьях, посвященных синестезии. Но я никогда не встречала человека, чей сенсориум был бы так похож на мой собственный. Она обняла меня, и для меня эти объятия не были похожи ни на что другое в мире. Мы дружим по сей день.

Кроме того, меня пригласили поучаствовать в написании статьи для журнала Британского психологического общества, которая называлась “Удивительный мир синестезии”. В этой публикации Джеймс Уоннертон делится своим опытом лексико-вкусовой синестезии, там же помещен и мой рассказ о синестезии зеркального прикосновения. Год спустя, в 2016, я встретила Джеймса на симпозиуме по синестезии Синестетического сообщества Великобританского UK-SA в Тринити-колледже, в Дублине, Ирландия. Джеймс так тепло меня поприветствовал, что я поняла, что обрела связь со своим нейрокогнитивным братством.

Люди с синестезией – моя нейрокогнитивная семья. Я всех их просто обожаю! У многих моих друзей-«синни» есть формы синестезии, которых нет у меня. Например, у меня нет постоянного проявления вкусовой синестезии, хотя как-то у меня было несколько мимолетных моментов вкусо-визуальных проявлений. Известно, что существует неврологическая способность, проявляющаяся в редких спонтанных синестетических реакциях. Но замечу, что и вкусовая синестезия может быть обременена сложностями; что будет, если имя вашей возлюбленной вызывает у вас ощущение аромата, который вы ненавидите? Я думаю, что каждая форма синестезии имеет как свои благие, так и отталкивающие стороны.

Что касается того, что делает синестезию компонентом искусства, то я полагаю, что способность к синестезии есть у каждого. Некоторые испытывают синестетические переживания только при долгой депривации сна, когда находятся под воздействием определенных веществ, или же когда переживают какой-то пиковый опыт. Думаю, что дополнительные связи, в которых проявляется синестезия, понятны всем людям. Поэтому, в стихотворении Эмили Дикинсон «Жужжала муха надо мной, когда я умирала», «синее жужжание» насекомого – это то, что может ощутить любой человек, это то, что есть во всех нас, даже если мы не синестеты, даже если для меня жужжание мухи желтого цвета.

Можете вспомнить какой-нибудь важный случай из жизни, который сыграл роль в развитии или усилении вашей синестезии? Какие внешние факторы и условия способствуют или препятствуют вашей синестезии? Вы когда-нибудь делали что-нибудь “против «испытываемой вами синестезии»? Например, пытались ли подавить ее или испытать что-то, противоречащее синестетическим реакциям?

Здесь важно отметить, что я не могу подавить свою синестезию. И, когда люди предлагают мне просто «выключить ее», я знаю, что они совершенно не понимают, что значит быть синестетом. Это за пределами моих возможностей произвольного контроля, и все предположения о том, что я могу преодолеть или игнорировать свою синестезию, приводят меня в ярость.

Если я хочу, чтобы синестезия у меня стала проявляться ярче и сильнее, я могу сделать следующее: долго не спать, выпить слишком много кофе, покурить немного марихуаны, медитировать для достижения альфа-состояния, наестся перед сном шоколада, так чтобы вызвать у себя вспышки гипногии и экстраемальной хроместезии.

Если я хочу, чтобы моя зеркальная синестезия отошла на задний план, я могу постараться хорошо выспаться, воздержаться от кофеина и медитировать для достижения состояния психического равновесия и решительности. Первые две стратегии немного помогают. Последняя – не слишком. Довольно бессмысленно думать про себя: «у меня не будет зеркально-сенсорной боли». Это ведь во мне. Это я.

Что касается синестезии зеркального прикосновения, которая для меня является самой доминирующей формой синестезии еще и потому, что она вызывает у меня много страданий, то здесь я думаю, она была спровоцирована тем детским переживанием, о котором я рассказала выше, когда мой щенок сломал лапу у меня на глазах. Помню еще, как меня в возрасте 6 лет положили в больницу на операцию, и мне тогда было невероятно больно смотреть на других детей в палате, в том числе на очень доброго мальчика на соседней койке, который лежал с загипсованной после перелома ногой. По сей день при виде гипса и костылей у меня по тыльным сторонам ног проходят разряды острой боли.

Как вы относитесь к тому, как ваша синестезия, о которой вы рассказываете, воспринимается другими? Как вы думаете, синестезия изолирует или связывает вас с другими людьми? Стали бы вы использовать синестезию более широко в адаптации или преобразовании мира? Даже рискуя быть неправильно понятым?

Грустно, когда люди думают, что синестеты просто пытаются привлечь к себе внимание, или что мы какие-то неженки-мороженки, которые чрезмерно озабочены собственными чувствами.

Но часто люди бывают очарованы синестезией, и именно здесь я чувствую, что синестезия может оказаться очень полезной для всех нас. Например, у моей младшей сестры дислексия. Если людям действительно интересно то, как в синестезии находят выражение когнитивные различия, разве мы не можем этим вызвать больше сострадания и интереса к людям, пытающимся совладать с дислексией? Может быть это поможет сделать для них мир немного комфортнее и даст им возможность свободнее говорить о своих когнитивных особенностях?

Вы когда-нибудь участвовали как синестет в научных исследованиях? (Если да, расскажите, как именно!) Как вы относитесь к тому, что вас изучают? Что именно вы хотели бы узнать о синестезии, что еще не открыто учеными? Какое недавнее открытие о синестезии было для вас наиболее значимым?

Несколько лет назад я прошла серию тестов на синестезию и получила результат, уверенно подтверждающий наличие у меня графемно-цветовой синестезии и синестезии локализации последовательностей. Моя синестезия зеркального прикосновения никогда не изучалась в лаборатории. Одна из проблем, с которыми сталкивается обладатель такой формы синестезии, заключается в том, что нельзя просто прийти куда-то и попросить стать предметом исследования, а потом получить результаты фМРТ, которые засвидетельствуют истинность ваших переживаний. Но мне довелось принимать участие во многих исследованиях, посвященных различным формам синестезии, и я всегда чувствую, что вношу вклад в понимание механизмов кросс-сенсорного опыта. И мне нравится, когда меня изучают. Ведь ученые, исследующие синестезию, это такие яркие, любопытные и увлеченные люди. Так интересно обмениваться идеями о нейрокогнитивных различиях.

Кроме того, иногда такие исследования могут рассказать о моем мозге кое-что новое и для меня самой. Например, несколько лет назад я проходила исследование, для которого университет получил доступ к результатам моих тестов на синестезию, после чего я должна выполнить серию заданий на запоминание букв. В конце мне был задан вопрос, есть ли у меня представление о том, что именно проверяется в проведенном эксперименте. Я дала положительный ответ. Я поняла!!

Когда мне давали цепочки букв одинакового цвета, например, IOUX, запомнить их было сложнее, потому что все они были похожих оттенков белого или серого. Но когда мне демонстрировали 4 буквы разных цветов, например, BKYS, вспомнить их было очень легко, потому что цвета этих букв сильно отличаются друг от друга: алый, морской зеленый, шартрез, насыщенный синий.

Мне бы очень хотелось иметь более четкое представление о генетических механизмах синестезии. Я надеюсь, что такие исследователи, как Аманда Тилот, помогут человечеству узнать об этом больше. Меня также интересуют сопутствующие осложнения, которые часто сопровождают синестезию. У меня СДВГ, проблемы с сенсорной обработкой, нарколепсия, а в раннем подростковом возрасте у меня был синдром Туретта. У меня также диагностировано расстройство аутистического спектра, и я думаю, что все это связано с синестезией... не прямой причинной связью, а, скорее, как сопутствующие свойства.

Как типы вашей синестезии связаны с вашим творчеством? Почему вы выбрали именно эти конкретные средства самовыражения (например, рентгенографические снимки)? Не могли бы вы описать творческий процесс и смысл своего визуального искусства?

У меня разные типы синестезии, и я считаю себя полисинестетом (общие звуки->зрительные реакции, графема->цвет, лексема->цвет, числовые формы, единицы времени->цвет, пространственное-> последовательное; зеркальное прикосновение, зеркальная проприоцепция, болевая синестезия, оргазм->цвет, осязание->цвет, музыкальные ноты->зрительные реакции, звук->осязание, обоняние->зрительные реакции). Я обладаю опытом работы в театре, включая работу над сценическими постановками. У меня степень магистра изобразительных искусств по литературному творчеству, но творческой дисциплиной, в которой представлен в настоящее время предмет моего интереса и вни-мания, является мультимедийное визуальное искусство.

Синестетические переживания доминируют в моем восприятии мира и оказывают огромное влияние на мои творческие интересы. Например, когда я активно занималась театральным искусством, моя зеркальная синестезия помогала мне воплощать роли, которые я играла, давая мне возможность почувствовать глубокое физическое ощущение характера. Что касается разработки костюмов, то я чувствую, что мои осязательно-цветовые и звуко-цветовые синестезии помогают мне создавать вещи, которые раскрывают язык одежды, делая акцент на тонких звуках текстиля, издаваемых при движении актеров, и опираясь на текстуры ткани, с целью выразить такие чувства, как, например, желание, отвращение и надежда.

В настоящее время я работаю над инсталляцией под названием Bone Stories (буквально: «История костей» – перев.), родившейся из

моей профессии мануального терапевта, моего глубокого интереса к патофизиологии и способам, посредством которых зеркальное прикосновение, зеркальная проприоцепция, болевая синестезия, тактильно-цветовая и графемно-цветовая синестезии влияют на мое понимание чужих тел. Поскольку нельзя просто отключить синестезию, моя клиническая практика постоянно находится под влиянием моего кросс-модального восприятия, и это становится для меня источником вдохновения при создании визуального искусства.

Как-то я разговаривала с Ричардом Сайтовиком, врачом по профессии, и упомянула, что вижу радиографические изображения в синестетических цветах, соответствующих моим цветным графемам и словам, но на них также влияет и моя зеркальная синестезия. Ричард уверил, что мне следует продолжить работу в этом направлении, потому что в нем есть необычное и интересное пересечение между искусством и наукой. Я стала сканировать аналоговые и цифровые рентгенограммы с изображением ортопедических патологий, а затем распечатывать их на холст. После этого я раскрашиваю получившиеся изображения масляной пастелью и карандашами, и в результате законченный холст передает иной взгляд на тело и патологию. Кроме того, я считаю рентгенографию формой портретного изображения, как фактического, так и символического. Ведь радиография как средство, изображающее скелет человека, отражает наиболее долговременную часть его кратковременного телесного воплощения. *Bone Stories* – это диалог между нематериальными обобщениями нашего разума и самыми устойчивыми физическими структурами человеческого тела.

Но *Bone Stories* – это также исследование взаимосвязи между взглядом пациента на свою травму и моей собственной интерпретацией этой травмы, на которую, конечно же, всегда будут влиять переживаемые мной синестезии. Здесь я отталкиваюсь от взглядов врача Риты Харон, согласно которым «эффективная практика [здравоохранения] требует повествовательной компетентности, то есть способности распознавать, воспринимать, интерпретировать и воздействовать на истории и бедствия других» («Нарративная медицина: модель эмпатии, рефлексии, профессии и доверия», *JAMA*. 2001; 286 (15): 1897–1902).

Какие-либо аспекты вашего синестетического опыта меняются, развиваются, появляются или исчезают в конечном счете? Вы когда-нибудь экспериментировали с синестезией с какими-то неожиданными, потрясающими эффектами?

В детстве у меня была цвето-тактильная синестезия. Однажды в тайне от нас всех отец купил большую эмалированную кастрюлю из известного в то время фирменного набора *Le Creuset*, который так нравился моей маме. Но я просто терпеть не могла ее огненно-рыжий цвет. При взгляде на этот горшок цвета тлеющей золы у меня начинала пы-

лать задняя часть горла, словно ее скоблило грубым наждаком. Мама готовила самый восхитительный *Coq au Vin*, и я обожала это благоухание томящегося на плите ужина, но только находясь в гостиной или, если я была на кухне, стоя спиной к плите.

За кострюлей были приобретены гратен, террин и чайник, все яркие, как угли в костре. Вместе с сестрами на этой посуде я научилась готовить. Мы втроем делали зубчатый картофель, выкладывая тонкие ломтики красновато-коричневого цвета на белое эмалированное дно кострюли, прохладный, нежно-молочный цвет которого был для меня прибежищем покоя и отдохновения, настоящим спасением от ее обжигающе-оранжевых боков. Белый цвет вызывал у меня совершенно другое ощущение, как будто я держала тонкий, легкий порошок во рту, невесомый и желеобразный, словно обволакивающий язык, десны и зубы. Так происходило всегда, когда я смотрела на что-то белое. Еще один цвет, память о котором сохранила связанные физические ощущения, это розовый. Розовый вызывал покалывание в глотке, что-то вроде щекотания перед тем, как чихнуть. Теперь всех этих ощущений нет, хотя я хорошо помню, каково это было ощущать цвета во рту. Кажется, их вытеснила моя осязательная синестезия.

Я действительно экспериментировала со своей синестезией. В Калифорнии, штате, где я живу, канабис легализован, и поэтому можно просто пойти в магазин и купить его в потрясающем ассортименте. Обычно, все это не по мне... Канабис сильно усиливает мои интероцептивные ощущения вплоть до чувства глубокой неприязни. Я начинаю осознавать любое мало-мальски заметное ощущение в теле, как болезненное, так и приятное, и это создает какофонию цветов и фигур перед глазами. Может быть, в переживаниях такой грубой синестезии есть какой-то интерес, но иногда это по-настоящему пугает.

На протяжении своей жизни, как вы говорили ранее, вы сталкивались со множеством мифов о синестезии. Не могли бы вы прокомментировать некоторые из таких заблуждений, с которым можно сейчас столкнуться, например, в интернете?

Меня расстраивает то, что в социальных сетях синестезия часто обозначается как болезнь. Мне неприятно, когда синестезию связывают с такими патологиями, как шизофрения, хотя в настоящий момент этому нет никаких свидетельств. Синестезия – это особенность, и миф о том, что это патология, разочаровывает меня и противоречит моим интересам по распространению идей о нейро-разнообразии как о нормальном проявлении вариативности когнитивной сферы человека.

Я также разочарована предположением, что синестезия всегда связана с восприятием цветовых переживаний, и что в ней все исключитель-

но красиво и приятно. Часто в интернете это иллюстрируется картинками с психоделическими изображениями и надписями: «Слышите ли вы цвета?» или «Я вижу цвета, когда вы произносите мое имя». Все это так мило и трогательно, в то время как синестезия отнюдь не лишена серьезных противоречий. Я не была с отцом, когда он умирал, потому что не могла справиться со своими реакциями зеркального прикосновения, провоцируемыми больничной средой. Правда о синестезии состоит в том, что... складывающиеся ее переживания не всегда столь прекрасны.

*Перевод:
Антон Дорсо*